

18+

Сергей БАЕВ

Персонажи вокруг нас

РОМАН

Сергей Юрьевич Баев

Персонажи вокруг нас

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55558931

ISBN 9785449889218

Аннотация

Жизнь профессионального писателя нелегка, но насыщена и увлекательна. Писатель одновременно выдерживает две войны: с самим собой – со своей апатией, ленью, депрессией; и с окружающим миром – агрессивным, жестоким, обманчивым и безразличным. Как победить одновременно на обоих фронтах? Как преуспеть, не теряя лица и не покидая литературы? Этому сложнейшему искусству и учит читателей главный персонаж книги Сергея Баева.

Содержание

Пролог	5
Параграф 1. Рита Блумберг	9
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Персонажи вокруг нас

Сергей Юрьевич Баев

Автор несёт всю полноту ответственности за материалы, использованные в данном произведении.

Книга посвящена моим родителям: Баевой Марии Михайловне и Баеву Юрию Григорьевичу.

Дизайнер обложки Амир Нагилович Тухватулин

© Сергей Юрьевич Баев, 2020

© Амир Нагилович Тухватулин, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-8921-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Читатели часто спрашивают: «Как появляется идея романа? Откуда берутся персонажи? Как возникают сюжеты?»

Что касается персонажей.

Люди, остановитесь на бегу, оглянитесь по сторонам, задумайтесь о смысле жизни. Уверен, он ни в деньгах, ни в детях, ни в новом доме. Смысл жизни – в самой жизни! Поэтому мои персонажи – это близкие, родственники, одноклассники, друзья, друзья друзей, в общем, окружающий социум.

Утверждая, что герои будущих романов находятся вокруг нас, имею в виду всех людей, находящихся рядом.

Положив руку на сердце, считаю: хороших людей гораздо больше, нежели плохих, хотя окружающая действительность часто говорит об обратном.

Нет необходимости придумывать отрицательных или положительных героев, достаточно внимательно оглядеться вокруг. По жестам, по телосложению, по лицу о каждом человеке можно узнать почти всё: каков его характер? каково мироощущение? каков внутренний мир? Короче говоря, каждый прохожий находится как бы под микроскопом. Надо всего лишь внимательно наблюдать, правильно анализировать и делать соответствующие выводы.

Смотрю, мимо степенно прошла женщина в возрасте, немного сутулая, как говорят в народе, – с горбом. Что мож-

но сказать о ней?

Во-первых, ей нравится давать полезные советы нервным подругам, сердитым родственникам и неуравновешенным знакомым. Она проживает не свою жизнь, а берёт на себя чужие проблемы и пытается их решать – отсюда груз на спине в виде горба.

Во-вторых, смыслом существования она искренне считает постоянную заботу о других. Весь смысл в том, что помогать или заботиться необходимо тогда, когда тебя об этом просят, поскольку навязанная помощь – унижает. Однако, чтобы выглядеть невероятно доброй, максимально заботливой, в высшей степени хорошей в глазах окружающих, эта сердобольная женщина помогает всем – отсюда горб. Скорее всего, у неё слишком заниженная самооценка.

Можно дальше анализировать и комментировать, что в-третьих, в-четвёртых, впрочем, сие занятие не входит в мои планы.

Что самое интересное? Если она не поймёт нелепость отношения к окружающим, то так и будет до конца дней таскать горб на спине и никакие физиотерапевтические процедуры не помогут.

Совсем рядом прошмыгнул молодой интеллигентный парень. Его стройная, подтянутая фигура указывает на то, что он регулярно занимается спортом, не злоупотребляет спиртным, не курит. Вместе с тем, сросшиеся брови дают понять, что он постоянно в каких-то внутренних неразрешимых про-

блемах, совершенно не умеет расслабляться и всё держит в себе. Парень явно на грани стресса.

Смотрю вокруг. Встретились два приятеля. По-товарищески здороваются, протягивая друг другу руки. Замечаю, один из них держит правую руку ладонью вниз. Вывод: мужчина привык подчинять всех своему влиянию – такой персонаж вполне может стать отрицательным, ведь нормальному человеку не надо никого покорять и унижать.

Любой писатель, как правило, внимательный наблюдатель, неплохой психолог, умеющий интерпретировать поведение окружающих, человек с огромным жизненным опытом. Подобных способностей вполне достаточно любому, чтобы писать романы, рассказы, повести.

Подсматривая за людьми, не забываю о прожитых ощущениях, держу в памяти сюжет будущего произведения и любезно приглашаю того или иного прошедшего мимо – в герои своих книг.

Теперь несколько слов о совпадениях, о мистических обстоятельствах, о роковой неизбежности. Я не верю в какие-либо внезапные сюрпризы и считаю, что любая случайность – это подсознательная закономерность. Если кто-то не согласен, то это от лукавого. Что касается Судьбы, то каждый её вершит сам: каждодневными мыслями, необузданными желаниями и конкретными деяниями.

Кто-то резонно возразит, дескать от Фортуны не убежишь. Правильно! От своих мыслей, бесконечных тараканов

в голове, врождённого темперамента, поступков не уйдёшь.
При чём тогда будущее?

Каждый программирует себя сам; кто-то на положительного героя, некоторые – на отрицательного, найдутся и те, кто просто плывёт по течению.

А в это время мимо прогуливается писатель, а может быть, живёт рядом и внимательно срисовывает необходимый типаж, как художник, пишущий натурщика.

Параграф 1. Рита Блюмберг

Слова не складывались в нужные предложения, предложения не соединялись в необходимые фразы, фразы не ложились желаемым текстом на бумагу. Почти два месяца не могу написать ни строчки обещанного редактору нового романа.

Мыслей – вагон и маленькая тележка, сюжетов – хоть отбавляй, тем не менее, все они оставались исключительно в голове, никак не материализуясь в произведение.

Как бы то ни было, я пребывал в затаенном творческом кризисе, а может быть, попросту не хватало сил заставить себя сесть за стол и начать сочинять. Довольно тяжкое состояние. Укладываясь спать, не получалось сразу заснуть, пребывал в полудрёме, воображая лихо закрученные сюжеты ненаписанных книг. Ночью всё получалось классно: замечательные диалоги вставали перед глазами, персонажи проживали неповторимые, интересные эпизоды, невероятные сцены разворачивались с особой оригинальностью, как мне казалось.

Однако утром придуманное представлялось довольно скучным, не заслуживающим внимания, не реальным, просто бредом. И так происходило каждый раз: самоотверженно сочиняя ночью, на следующий день безжалостно браковал всё.

В то утро я твёрдо решил: обязательно набросаю на листы нафантазированное. Тем не менее, как часто бывает, созидательный процесс или вхождение в необходимый творческий ритм нарушило упрямое дребезжание телефона. Категорически ненавидя заурядные телефонные мелодии, я давно поставил сотовый на вибрацию.

Телефон, лихо подпрыгивая как лягушка, перемещался по столу, издавая глухие настойчивые звуки «У...У». Правильно поёт группа «Город 312»: «Вне зоны доступа мы не опознаны, вне зоны доступа мы дышим воздухом».

Хотелось находиться вне зоны доступа как можно дольше и хоть что-то написать, а отвечать на надоедливые звонки не было никакого желания.

Шестое чувство упрямо подсказывало – это важный звонок, и я резонно тормознул вдохновение, нажав на нужную кнопку, переключая свет на звук.

– Доброе утро. Прошу прощения за ранний звонок. Вас беспокоит корреспондент газеты «Шок» Елена Калиниченко.

– Не понял, откуда у вас этот номер?

– Пришлось подключить необходимые связи. Не кладите, пожалуйста, трубку, у меня в высшей степени важный разговор.

Фамилия звонившей показалась знакомой, поэтому я сменил гнев на милость:

– И о чём, собственно, пойдёт речь?

– Давайте встретимся, я всё подробно объясню.

– Лена, так, кажется, вас зовут, сейчас совершенно нехста-
ти.

– Ещё раз извините, разговор пойдёт о вашей последней книге.

– О моей последней книге? А что с ней не так?

– Необходимо увидеться, и всё сразу станет понятно.

– Поскольку вы разведали номер телефона, то наверняка
разузнали и адрес?

– Конечно, адрес я тоже знаю.

– Ну что ж, через час жду.

Пару раз отхлебнув любимый напиток – кофе, я задумчи-
во покурил, уныло взглянул на пустые листы и приготовился
к вынужденной встрече с настырной Еленой Калиниченко.

Ровно через час, минута в минуту, в дверь настойчиво по-
звонили. Наверное, она находилась на площадке с секундо-
мером и выжидала, чтобы в нужную секунду нажать кнопку.
Как она догадалась, что я уважаю педантичных, пунктуаль-
ных людей?

Поглядим, что это за фифа. Не доверяя прессе, я никогда
не давал интервью и сейчас не понимал, зачем согласился
встретиться.

Нудный звонок опять пропел знакомую мелодию, вынуж-
дая шагать в прихожую.

На пороге, застенчиво переминаясь с ноги на ногу, мая-
чила весьма симпатичная блондинка.

– Здравствуйте. Ради Бога не сердитесь, что отрываю от творческого процесса и в общем-то беспардонно врываюсь, набиваясь в гости.

– Елена Калиниченко?

– Да. Если сомневаетесь, могу показать удостоверение.

– Показывать ничего не надо. Я довольно-таки неплохо разбираюсь в людях. Мне кажется, вы говорите правду, охотно верю. Проходите, пожалуйста.

– Спасибо, что разрешили войти. Обычно я не такая настойчивая, как сейчас. Как бы то ни было, но возникло слишком много вопросов, а ответов пока нет.

– Все вопросы потом. Что предпочитаете: кофе, чай?

– Если можно, чёрный кофе с сахаром и лимоном.

– Садитесь в это кресло. Я быстро сварю кофе и через пару минут отвечу на все вопросы, если, конечно, они не личного характера.

– Обижаете. Наше издание не имеет никакого отношения к жёлтой прессе. «Шок» – серьёзная, солидная газета.

– Замечательно. Не сомневаюсь, хотя никогда не имел чести читать газету с таким оригинальным названием, даже в руках не держал ни разу. Опять полагаюсь на ваше слово.

Оставив гостью в гордом одиночестве, я отправился на кухню.

Стоя у плиты, мучительно вспоминал, откуда мне знакомо словосочетание: «Елена Калиниченко?»

Может быть, кто-то из приятелей читал её статьи и рас-

сказывал потом о них? Скорее всего, она однофамилица каких-то старинных, давно забытых однокурсников по университету?

Я терялся в догадках, а кофе, в очередной раз, ловко убежал, оставив коричневые следы на плите. Всегда так: задумаешься на секунду, отвлечёшься, и он опять выиграл, как, впрочем, почти всегда. В общем, эти хитрые игры в догонялки надо прекращать: или внимательно кофе варить, или отстранённо размышлять. В этот миг подсознание выдало на гора необходимый инсайт, сформировавший ответ по поводу имени и фамилии незнакомки: «В рассказе „Борт 021156“ из моего сборника, Лена – дочь главного персонажа Михаила Павловича Калиниченко».

«Любопытно. А что, если у неё отчество – Михайловна?», – мелькнула в голове шальная мысль. Аккуратно порезав лимон, бережно взяв турку с хитрым напитком, две чашки, сахар, осторожно поставив всё это на поднос, шагаю в гостиную на принудительный допрос.

– Ваш заказ. Лимон и сахар по вкусу. У нас самообслуживание.

– Спасибо. А курить здесь можно? Прямо на глазах наглею. Даже как-то неудобно.

– Курите на здоровье. Простите великодушно за циничный каламбур. Сейчас принесу пепельницу.

Она жадно глотнула из чашки, глубоко затянулась сигаретой и, похоже, полностью успокоилась. Клуб дыма лениво

потянулся к открытой форточке, а струйка ароматного кофейного дымка устремилась в нос.

Кофе, хороший кофе с качественной сигаретой – это, бесспорно, восхитительный кайф. Минуту мы молча тянули ароматный напиток, внимательно изучая друг друга. Первой подала голос гостя, не выдержав затянувшейся невыносимой паузы.

– Хотелось бы знать: ваша последняя книга, сборник рассказов под общим названием «Девяносто три», вышла в печатном издании?

– Нет. Пока только на сайте «Проза ру», а, собственно, в чём дело?

Снова затянувшись сигаретой, она выпустила замысловатую змейку дыма, глубоко вздохнула, как бы готовясь к прыжку, и выдала заранее заготовленную тираду:

– Я сама из Москвы. В газете работаю почти пять лет. Уехала в глухую провинцию после окончания журфака МГУ, чтобы набраться необходимого опыта. Томск мне сразу приглянулся, работа нравится, люди здесь открытые, добрые, интеллигентные. Тем не менее, речь сейчас не обо мне.

В Москве живёт моя лучшая подруга Рита, фамилия её Блюмберг, а по отчеству мы вообще тёзки – обе Михайловны. По моему настоятельному совету она прочитала этот сборник, и с ней начали происходить довольно странные события. Мы созваниваемся почти каждый день, поэтому я в курсе её жизни. Вы написали замечательную книгу, осо-

бенно понравился рассказ «Экстрасенс Рита», поэтому я и рекомендовала её прочесть подруге, тоже Маргарите Михайловне Блюмберг, как и в сборнике.

Ритка – самостоятельная, смелая женщина, всё же после прочтения рассказа стала панически бояться грозы. И что вы думаете? Неделю назад во время дождя в её машину неожиданно ударила молния. Хорошо, что она стояла на светофоре, а не двигалась. В общем, Рита тотчас потеряла сознание. Очевидцы сразу вызвали «скорую». В настоящее время она лежит в больнице и находится в коме. Отсюда первый вопрос: «Как могло случиться такое невероятное совпадение?»

Я с интересом слушал, не перебивая, нервно курил, запивая удивление ароматным кофе, и пока не мог врубиться, в чём дело. Загадочная гостья глядела вопросительным взглядом и ждала адекватного ответа.

Пребывая в полной растерянности, я понятия не имел, как реагировать. С какой стати судьба моей героини повторилась с убийственной точностью в жизни? Как я мог предсказать чьё-то будущее, ведь таких невероятных способностей за собой никогда не замечал? Что вообще происходит?

Вопросы снежным вихрем кружились в голове и оседали на воспалённый мозг.

Незнакомка терпеливо ждала объяснений, а я торопливо пытался их найти в кутерьме невероятных фактов.

В конце концов, взяв себя в руки, тихо произнёс:

– Это чудовищное совпадение, какая-то мистическая слу-

чайность, необъяснимое явление. Почему так произошло, не понимаю».

– Не волнуйтесь; признаюсь, узнав о случившемся, я тоже находилась в полном смятении. Расскажите, пожалуйста, как пришла идея написать рассказ, и кто такая Рита Блюмберг?

– Довольно странный вопрос.

– Понимаете, редакция решила провести что-то вроде собственного расследования, именно поэтому я здесь; да и Ритка – не чужая, мне не всё равно, что с ней происходит. Ваша героиня находилась в коме долгих девять лет, так очень не хотелось бы, чтобы так же случилось с моей подругой. Горю желанием разобраться, в чём тут дело?

– Идея написать цикл рассказов, связанных одной темой, посетила меня, как в общем-то, всех писателей, совершенно неожиданно, а точнее, во сне. Что касается Риты Блюмберг, такая знакомая действительно была у моей первой жены в молодости, они вместе работали, дружили, и она на самом деле мне безумно нравилась. Сюжет произведения – полностью творческий вымысел, в реальной жизни ничего подобного не происходило: ни удара молнией, ни комы, ни экстрасенсорных способностей. Между прочим, Риту я не видел лет двадцать и совершенно не представляю, что с ней в настоящее время, жива ли она? Это, вкратце, ответ на первый вопрос.

– В рассказе Рита замужем за Пашей и у них дочь.

– Ну и что? Не пойму, при чём тут муж и дочь?

– Не поверите, но у моей подружки тоже есть дочь, и мужа также зовут Павел.

– Вот это да! Полное совпадение! Невероятно?!

В воздухе повисла мучительная пауза. Собеседница нервно выдернула из пачки сигарету и попросила ещё кофе.

Разговор приобретал предельно странное, но, при этом довольно интересное содержание.

Я немного верил в мистику, во Всевышнего, в тёмные и светлые силы, в юности зачитывался фантастикой, однако то, что поведала Елена, не укладывалось в голове. Бред какой-то! А главное, абсолютно не понятно, у кого поехала крыша – у меня или у неё? Всё же, после услышанного хотелось взять в толк, в чём тут дело, разобраться в происходящем вокруг меня, поэтому я не выставил её за порог, а продолжал беседовать.

Снова сварив кофе, теперь уже не упустив его в бега, я уселся напротив и серьёзно спросил:

– И что вы собираетесь делать? Наверняка что-то придумали.

– Знаете, у меня созрел грандиозный план, только в одиночку, боюсь, его не осуществить.

– Что за план? Это действительно похоже на расследование.

– Скорее всего, замысел наивен и довольно глуп, но хотелось бы найти всех Рит Блумберг, возрастом около тридцати, и разузнать, как они живут, что с ними происходит?

– Всех – имеется в виду: по всей России?

– Не только в России, но и в Америке, Израиле, Австралии и Европе.

– Согласитесь, подобная задача для большой, вездесущей организации, типа КГБ.

– Без всякого сомнения, предстоит огромный объём работы. У меня имеются кое-какие связи, старые знакомые, друзья в разных странах.

– Какова, собственно, моя роль, в этом интересном расследовании? Чем я-то могу помочь?

– Уверена, у вас тоже невероятные возможности. Поэтому, если интересно и появилось желание, можете в этом поучаствовать.

– Допустим. Тогда возникает вопрос: а в чём смысл? За чем всё это?!

– Думаю, можно кого-то попытаться спасти от молнии, от многолетней комы, от повторения судьбы героини из рассказа.

– Может быть, элементарно взять и уничтожить его, убрать из сборника, удалить с сайта? Нет рассказа – нет Риты, нет проблем, и не надо никого искать.

– А если они, ну, в смысле Риты, заходили на сайт «Проза ру» и прочитали книгу?

– Даже не знаю, что и делать. Ерунда какая-то. Вы сами-то верите в то, что говорите и что собираетесь предпринять?

– Верю, а вы, вижу, не совсем. Вместе с тем, нужно дей-

ствовать. Мне необходима ваша поддержка.

– В принципе я не против, тем более, в данный момент ничего не пишется; я, в общем, невольно бездельничаю.

– Спасибо, что выслушали, не выставили за дверь, как ненормальную, и согласились помочь.

– Мне кажется, подобное расследование вполне тянет на большой захватывающий роман.

– Отлично! Значит, у нас сложилось, так сказать, взаимовыгодное сотрудничество. Очень жаль, но много работы, я исчезаю. Спасибо за прекрасный кофе. Ваша зона ответственности, если можно так выразиться, район поиска – Сибирь. Появятся новости – непременно звоните.

Проводив её до двери, я вернулся в гостиную, удобно устроился в кресле и серьёзно задумался: «С чего начать?»

Открыв городской телефонный справочник, с удивлением обнаружил, что, например, Баевых С. Ю. в нём – аж 25 абонентов; по фамилии Блюмберг числилось 7, но инициалы не совпадали. На всякий случай я обзвонил всех томских Блюмбергов и выяснил, что ни у кого нет в семье Риты. Может быть, Блюмберг – редкая фамилия?

Закурив сигарету, прикинул: «А что, собственно, сегодня произошло? Зачем потратил битый час, надоедая незнакомым людям по телефону с дурацкими вопросами?»

Я всего лишь пытался найти в городе Маргариту Михайловну Блюмберг. И что? Да ничего, прямо как неутешный Мастер в поисках лукавой Маргариты, а она на балу у Сата-

ны. Червь сомнения грыз изнутри.

Мистика чистой воды, и разговор с незваной гостьей произошёл довольно странный. Что-то здесь не так; я пока не понимал, что именно.

Долгие размышления упёрлись в непроходимый тупик, но навяли сюжет нового романа. Взяв машинально ручку, бумагу, я быстро набросал примерный план произведения. Невероятно вдохновившись проделанной работой, принялся сочинять, да так увлёкся, что забыл про несчастную Риту, про любопытную визитёршу, про еду, про всё на свете.

Похоже, госпожа Муза не только находилась за спиной, – она уносила меня в бескрайние дали творчества, ласково что-то нашёптывая. Так происходило постоянно: если Вдохновение соизволило заглянуть в гости, то прочее было не важно, неотложные дела отодвигались на второй план.

Передо мной лежали десять страниц, исписанных мелким почерком, первый черновой параграф нового произведения. Начало положено, дальше станет намного легче.

В голове неожиданно мелькнула шальная мысль: «А ведь гостья появилась весьма кстати; странный, нелепый разговор с ней дал необходимый импульс к творчеству».

Перечитывая только что написанное, вдруг сообразил, почему разговор с незнакомкой показался тогда необычным и загадочным.

В конце беседы она радостно добавила, что у нас взаимовыгодное сотрудничество, имея в виду моё содействие и её

помощь мне. Тогда я не придал значения словам, а сейчас отчётливо осознал, что она, без сомнения, помогла.

Сдвинувшись с мёртвой точки, я в конце концов преодолел двухмесячный творческий застой и начал хоть что-то сочинять.

Возбуждённый телефон внезапно запрыгал по столу, возвращая из туманных размышлений в прозрачную реальность. Нехотя нажав на зелёную кнопку, услышал знакомый, хрипловатый голос редактора:

– Как работа над романом, Сергей Юрьевич? Не забыли, через неделю последний срок сдачи главы? Договор ещё никто не отменял. Вы уж, дорогой мой, постарайтесь. Обязательства необходимо выполнять.

«Брюзга старая, даже не поздоровался», – подумал я, а вслух произнёс:

– Здравствуйте, Самуил Соломонович, ужасно рад вас слышать. Не волнуйтесь, дело продвигается, в сроки уложусь.

– Ну, ну... А мне нашептали, что вы в отчаянном пике, так сказать, в глубоком, гм... творческом кризисе? – продолжал гнуть свою линию неугомонный ворчун.

– Разведка жесточайшим образом ошиблась. Я почти закончил первую главу, передо мной 57 страниц убористым почерком. Осталось их причесать, и... – ответил я хитро, держа фигу в кармане.

Он минуту молчал, не веря своим ушам, потом задумчиво

ВЫМОЛВИЛ:

– Да уж... Ну хорошо, хорошо, – и, не прощаясь, отключился.

Его можно понять: новый, ещё не написанный роман стоял в плане выхода на следующий месяц. Выплачивая мизерные гонорары и имея с продажи книг до 90% от прибыли, издательства нагло зарабатывали на авторах хорошие деньги. Выражаясь не литературным языком, они просто беспардонно доили их, как коров.

«Вот индюк жирный, клоп ненасытный, пень трухлявый», – подумал я и снова взялся за перо. Только вот голова отказывалась соображать, и тут я неотвратимо осознал, что сладостное вдохновение улетучилось, а Муза обиделась и ушла убаживать другого писателя.

Сидя за столом, я тупо пялился на чистый лист, напрягал возбуждённые извилины, отчаянно пыжился как детсадник на горшке, однако всё оказывалось тщетно, на выходе – бублик с дыркой. Ну, Самуил, весь кайф испортил.

«Надо срочно что-то делать», – с умным видом размышлял я, машинально шагая на кухню за пивом, наивно полагая, что это волшебная палочка-выручалочка.

После второй бутылки в голове окончательно утвердилась мысль: сегодня больше ничего не накропаю – и окончательно угомонился. Между прочим, десять страниц за день – тоже неплохо.

В памяти всплыл странный утренний разговор с упрямой

посетительницей, и неожиданно захотелось ей позвонить. Номер до сих пор оставался в сотовом, надо всего лишь нажать на нужную кнопку. Взяв телефон, замираю в неуверенности: «И что я скажу? Выдам монолог про то, что улетучилось потрясение от услышанного, и что история про московскую подругу – бред сивой кобылы? А если не бред? Может быть, совпадения случаются?»

К слову сказать, у каждого человека по миру гуляют, как минимум, шесть двойников. Представляете, ходит сейчас по Парижу какой-нибудь Серж Бове, вылитый я, только калякает по-французски, или какой-нибудь Сержио Педро – испанец, или Сергуль Баевич – израильтянин, или ещё кто-нибудь. А однофамильцев и тёзок, наверное, сотни на постсоветском пространстве. Интересно, существуют ли одновременно двойники, и чтобы инициалы совпадали? Наверное, да? Сколько же их жило раньше, до моего рождения? А сколько ещё родится? От таких мыслей крыша точно поедет. Хорошо бы взглянуть на московскую Риту. Может быть, она действительно похожа на ту Риту, в которую я когда-то был по уши влюблён?

Напряжённо сжимая телефон, я, тем не менее, не давил на кнопку, потому как не знал, о чём говорить с Еленой. Вместо этого взял записную книжку, всю истрёпанную и старую, отыскал номер одноклассницы, проживающей в далёком дальневосточном Биробиджане. Логично рассудив, что евреи, оставшиеся в России после всеобщего пере-

селения на историческую родину, должны компактно проживать в Еврейской Автономной области, а Рита Блюмберг являлась чистокровной еврейкой, набираю нужный номер.

Гудки пошли через бескрайнюю Сибирь, пролетели над хмурым Байкалом, прозвенели по Дальнему Востоку и упёрлись в славный Биробиджан.

– Наташа, привет, это Сергей из Томска.

– Какой Сергей?! Плохо слышно!

– Одноклассник, Серёжа Баев; ну и память у тебя девичья.

– Привет, Серёга. Сто лет тебя не видела, наверное, с десятого класса.

– Я по делу. Прости, сейчас нет времени окунаться в школьные воспоминания и предаваться ностальгии. Это обязательно случится, но потом, когда родной Томск навестишь.

– Ты прав. Что за дело?

– Возьми, пожалуйста, телефонный справочник и найди абонента Блюмберг М. М.; если таковой найдётся, продиктуй номер.

– Одну минуту.

Через некоторое время в трубке послышалось хрипкое сопение, болезненное чиханье и незабываемый Наташин голос.

– Извини, простыла. По твоему запросу сообщаю – у нас с такими инициалами аж два абонента. Записывай. Забыла спросить – зачем тебе это? Подругу юности разыскиваешь?

– Почти угадала. Спасибо, думаю непременно увидимся

в этой жизни.

– Тебе спасибо, что помнишь о моём существовании.

Взглянув на часы, прикинул, что в Биробиджане давно полночь и резонно сообразил: не стоит беспокоить незнакомых людей так поздно.

На чистом листе написал все города и страны, какие смог вспомнить, где проживали друзья и знакомые, получился весьма внушительный список. Права оказалась дотошная гостья, к пятидесяти восьми годам накопился обширный круг людей, знавших меня.

«Пожалуй, завтра и займусь этой рутинной», – смекнул я и, вдруг вновь ощутил страстное желание вернуться к неоконченной писанине. Очевидно, Муза, неудовлетворённая другим бумагомарателем, вознамерилась вернуться. Ну и славно!! Быстро усевшись за стол, с неистовым вдохновением принялся сочинять. Процесс продвигался как по маслу, и к полуночи накропал ещё десяток страниц.

Бывает же такое: за два месяца вообще ни строчки, а тут за один день – двадцать страниц. Если так и дальше пойдёт, уложусь в срок и хоть что-то заработаю.

Мне безумно нравилось писать под гипнозом вдохновения, обожаю присутствие Музы за спиной. Жаль, эта дама такая непостоянная, взбалмошная и капризная.

Чем бы её приманить, чтобы оставалась рядом, не уходила, не изменяла мне постоянно? Два месяца простоя – большой срок для писателя, можно запросто стать литературным

импотентом. Впрочем, это ненужные эмоции, пора в постель на встречу со снами.

В тёмно-серой комнате серая пыль укладывалась спать на старый серый шкаф, серые будни сменились тёмной ночью, и я провалился в тревожное небытие.

В полудреме изменённого состояния сознания всплывали замысловатые сюжеты ненаписанных книг, одна лучше другой; персонажи проживали эффектные жизни, а я глубже засыпал, наслаждаясь эксклюзивным кино. В общем, всё как всегда, так случилось прошлой ночью, так же произойдёт и будущей.

Интересно, другие писатели тоже сочиняют во сне или пытаются что-то выдумать при солнечном свете? Наверное, у каждого свой секретный план творчества. Суть состоит в том, что получится в сухом остатке – обалденный шедевр или примитивное чтиво.

Утром, с трудом разлепив глаза, не хотел вылезать из тёплой постели, но коты, Чип и Дейл, опять устроили жуткую потасовку, бегая по мне, как по бульвару. Так они круто разминались каждое утро, держа друг друга в необходимом тоне, после чего в два голоса устраивали хор голодных кошек, требуя жрачки.

«Дейл, оставь Чипа в покое», – крикнул я и лихо запустил в него тапком. Агрессивный Дейл и ухом не повёл, подрулил к дивану и грозно пропел «Мао».

Когда он злился, всегда выдавал «Мао» вместо «Мяу».

Наверное, в Китае этот кот был бы в большом почёте за подобные лингвистические способности.

Другой кот Чип никогда не слыл террористом Помидоровым, а наоборот, демонстрировал ласку и добродушие, любовь ко всем и мягкосердечие.

Нехотя вылезая из под пушистого уютного одеяла и первым делом принимаюсь кормить голодных любимых кошачков.

День начинался по-житейски буднично, по одному и тому же знакомому до слёз сценарию, как год, три и пять лет назад. Обожаю летнее утро: раннее розовое солнце, прозрачный звенящий воздух, умытый росой чистый город. Впереди маячил новый день, наполненный грудой дел, суматохой явлений, яркими впечатлениями, не пережитыми ранее ощущениями; новый день – это как целая жизнь впереди, спрессованная в часы, в смысле, – сжатая во времени. Распорядок ожидался тот же: ванная, кухня, рабочий стол, бумага с неповторимым запахом и мучительное ожидание любимой Музы, скорее всего, ещё не проснувшейся.

Слева от чистого листа дымилась чашка крепкого кофе – необходимый атрибут современного прозаика, а справа тлела сигарета – дополнительный, впрочем совсем не обязательный атрибут некоторых писателей.

Нужные декорации расставлены, необходимый реквизит выдан, персонажи выучили роли и готовы прожить их, автор находится в зале, с нетерпением ждали капризного режиссё-

ра, именуемого пафосно Вдохновением. Тем не менее тот, как всегда, задерживался, и начало сладостного творческого процесса затягивалось на неопределённое время. На какое время? К сожалению, этого не знал никто.

Девять сигарет трансформировались в бычки, выпито несколько чашек кофе, ожидание достигло апогея, а вдохновение всё не появлялось; наверное, застряло где-то в пробке.

К слову, в провинциальном Томске последнее время на дорогах появились нескончаемые автомобильные заторы: машин стало больше, а дороги не стали шире, понтов у людей стало немерено, а проценты по кредитам на дорожные авто не стали меньше, ухабов на дорогах стало больше, а денег на ремонт выделялось всё меньше, и те нагло разворачивались.

Если так продолжится и дальше, транспортную систему города неминуемо ожидает дорожный коллапс.

Чтобы не тратить драгоценное время, надумал позвонить кому-нибудь из дальних (в смысле расстояния в километрах) друзей. Тыкая пальцем по заготовленному списку, я выискивал беспроектный, безотказный вариант.

Выбор верного друга, желающего помочь в поисках Риты Блумберг, прервал ползающий по столу телефон. Мне ужасно нравилось, когда тот не подавал признаков жизни целый день, когда никто не доставал, и категорически не нравилось, если отрывали от творчества, от философских раздумий.

На панели высветился номер вчерашней гостьи, и я нажал

на зелёную кнопку.

– Доброе утро.

– Здравствуйте.

– Появились новости: плохая и хорошая.

– Внимательно слушаю. Не томите душу.

– Плохая новость заключается в том, что вчера и сегодняшним утром, подключив все связи, я не нашла ни одной Маргариты Блюмберг. Хорошая новость – завтра лечу в Москву, проведать подругу и на месте разузнать подробности о случившемся. Если есть желание, можете составить компанию; естественно, все расходы за счёт редакции.

– Дайте минуту. Это так неожиданно, хотя, признаюсь, весьма привлекательно.

– Думайте, только не долго, через час перезвоню.

Она, не прощаясь, отключилась, а я в растерянности почесал затылок, машинально закурил сигарету и принялся размышлять, взвешивая поступившее предложение. Конечно, стонять в столицу на пару дней – довольно заманчиво. К тому же, наверняка появятся новые впечатления, необходимые для работы над книгой. И потом, крайне любопытно взглянуть на Риту. Короче говоря, взвесив все за и против, я решил принять предложение. Что касается звонков друзьям и знакомым, их можно сделать и после возвращения. Елена позвонила даже не через час, а через десять минут.

– Появилась важная новость, поэтому беспокою раньше времени.

– Выкладывайте вашу важную новость.

– Только что звонила мама Риты. Сегодня утром врачам удалось вывести её из комы. Состояние удовлетворительное, тем не менее, ещё две-три недели она пробудет в больнице под пристальным наблюдением.

– Отлично. Значит с Ритой удастся поговорить. Я принял решение составить вам компанию.

– Нисколько не сомневалась, что согласитесь, поэтому забронировала два билета. Вылет завтра рано утром.

– Тогда разрешите банальный вопрос, по поводу гостиницы.

– В гостинице нет необходимости. Остановитесь у моих родителей. Они будут бесконечно рады познакомиться с писателем из Томска. К тому же, у них, как и у всех пенсионеров, дефицит общения. Их хлебом не корми, дай поговорить.

– Похоже, вы всё за меня продумали, решили насущные проблемы, предусмотрели возникшие нюансы.

– Работа у меня такая: возникшие проблемы устранять, сомневающихся убеждать, вопросы неудобные задавать, интервью злободневные брать, скрупулезно материал собирать и при этом много размышлять.

– Хорошо, сдаюсь. Во сколько рейс?

– Первый рейс на Москву – в восемь сорок, не опаздывайте. Встретимся в аэропорту. Кстати, как новый роман?

– Вчера два раза любимая Муза навещала, в общем, начало положено, а дальше – больше.

– Рада за вас. Может быть, и сегодня заглянет, поэтому не стану больше отвлекать.

Она опять, не попрощавшись, отключилась, а я в который раз упёрся взглядом в чистый лист. Поскольку Муза пока не стучалась в дверь, я отправился на кухню. Стоя у плиты, призадумался: «Как могла вездесущая хроникёрша забронировать билет, ведь у неё нет данных моего паспорта?» Сомнительные мыслишки как назойливые мухи, лезли в возбуждённый мозг. И правда, журналоги, они, как диверсанты, когда надо любую информацию из под земли добудут.

На кухню осторожно прошмыгнул наглый Дейл и громко мяукнул, что на его языке, очевидно, означало: «Разиня, кофе проворонишь». Взглянув на турку, понимаю, что в данном случае котяра совершенно прав, ещё секунда – и кофе убежал бы. Между прочим, надо ещё с соседской бабушкой поговорить, чтобы кошаков кормила, пока меня не будет.

Когда с чашкой вернулся за рабочий стол, то напротив восседала долгожданная гостья и кокетливо строила глазки. Забыв про кофе и всё на свете, хватаю ручку и начинаю лихорадочно марать бумагу. Слова сами собой складывались в нужные предложения, предложения соединялись в необходимые фразы, а фразы ложились убористым текстом на листы. Для любого писателя подобное состояние – время настоящего блаженства, безумного счастья, можно сказать, творческого экстаза.

Минуты растянулись на часы, и к вечеру рукопись попол-

нилась ещё двадцатью страницами. Не было желания пить, есть, курить, а хотелось творить, сочинять, писать и писать. С тоской взглянув на остывшую чашку, я перевёл взгляд на Музу, впрочем, та внезапно исчезла, не попрощавшись. Скверная дама, миг смылась к другому. До скорой встречи, Вдохновение.

Ну что ж, и на том, как говорится, спасибо. Как там: «Курочка по зёрнышку...». Хорошо, что сотовый не прыгал по столу, а то Муза обиделась бы за невнимание и ушла бы ещё раньше. В этот момент дремавший телефон проснулся:

– Извините, это опять я. Продиктуйте, пожалуйста, данные паспорта, – скороговоркой выпалила неугомонная Елена.

Достав паспорт, сообщаю данные и делаю вывод: «Нет, она вовсе не разведчица, – обычная репортёрша, такая же рассеянная, как и я».

Достаю со шкафа походную сумку, набиваю её необходимым командировочным джентльменским набором, потом вежливо стучусь к соседской бабушке, договариваюсь насчёт котов, затем устраиваюсь в кресле и включаю зомбоящик.

Канал ТВ-2. Музыкальная программа. Одна из участниц фольклорного ансамбля, Наталья, поёт дифирамбы Сергею, играющему на многих музыкальных инструментах. Короче, кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку. Закатив смазливые глазки, она елейно вещает: «Пока я пою, смотрю на Сергея и не понимаю, какой музыкальный инстру-

мент он сейчас схватит и будет играть. Я в полном трансе, я просто испытываю невероятный кайф. Это круто».

Пытаюсь вникнуть в эту музыкальную белиберду на уровне плохой самодеятельности и не понимаю, где здесь собственно творчество? Если не смотрели эту передачу, не слушали этот «народный ансамбль», то не много потеряли, а ведь ТВ-2, – лучший телеканал Томска. Хочется плевать от увиденного и услышанного. Давно не попадалось ничего более низкопробного.

Сижу, тупо пялюсь на экран и как тот Сергей Юрьевич из «Нашей Раши», обгаживаю всё подряд, а ведь я тоже Сергей Юрьевич, только не такой гламурный су... сын.

Прислушиваюсь к говорящему: «Сибирский фольклор резко отличается от русского. Нас разделяет Урал, и мы разные. Сибирь – это другая культура, которая впитала в себя сибирскую субкультуру». Бред какой-то, на уровне дешёвого каламбура.

Наверное, я совсем тупой или из меня хотят сделать такого? В общем, отстой полный.

Между тем, замороженные музыканты с умными лицами, на полном серьёзе, с раскрученного канала поют какую-то откровенную лабуду, совершенно непонятную нормальному слушателю. Дальше разглагольствует ещё один маэстро этого, типа, фольклорного оркестра: «Гусли – это своеобразный инструмент, который не каждый понимает. Мы – особые музыканты, мы совершенно по-другому видим и ощущаем му-

зыку». Короче, они гении, а мы все – тупицы заплинтусовые, быдло.

Не могу переварить такое скотское отношение этих гусяров к телезрителям. Мы для них полный ноль?! Только не понятно, чего они лезут на телевидение, играли бы себе где-нибудь на полянке под луной или в лесном овражке, или в подвале задрипанной хрущёвки устраивали бы ныне модные квартирники для особо влюблённых в гусли и хоровое пение.

Самое время убрать негатив и закурить успокаивающую, положительную сигарету. Сто раз зарекался не включать вообще этот фоноговоритель, но бес попутал. Каждый раз от таких передач, от горьких новостей, от бездарных сериалов на душе становится невыносимо тошно. А не пора ли телек выкинуть на помойку?

На часах одиннадцать сорок. Пора спать. Ставлю будильник на шесть, плюхаюсь на любимый продавленный диванчик, тем не менее, заснуть не получается. Думки пошли в атаку на испорченное настроение. Некогда уважаемый телеканал ТВ-2 окончательно изгадил вечер дурацкой музыкальной передачей; сочинительство в полудреме полностью на нуле, поэтому начинаю гипнотизироваться аутотренингом: «Я расслабляюсь и успокаиваюсь. Я расслабляюсь и успокаиваюсь. Я...». На эти мысленные команды послушный мозг среагировал и тут же погрузил в желанный сон.

Задребезжал надоедливый будильник, Чип и Дейл нача-

ли обычную утреннюю разминку, и я мгновенно проснулся. Пережевывая бутерброд и запивая его чёрным кофе, заказываю такси.

Через двадцать минут мчусь по утреннему, сонному Томску в направлении аэропорта Богашёво. Некоторые горожане не спешат на работу, а симпатичные, наштукатуренные горожанки в коротких юбках устало ковыляют с работы.

На востоке забрезжил проснувшийся рассвет, заливая пустынные улицы малиновым светом. Выезжаем за город и погружаемся в молоко утреннего тумана, низко ползущего по дороге, по полям, облизывающего каждую травинку.

Справа проплыл элитный коттеджный посёлок с тёмными окнами, ясное дело, буржуи ещё спят. А слева промелькнула небольшая, забытая Богом деревенька, почти в каждой избе горит свет, само собой, селяне просыпаются рано – с петухами. Блеск и нищета российской провинции колет глаз, поэтому опускаю голову, пытаюсь несколько минут покемарить. Подремать не удаётся, поскольку подъезжаем к аэропорту, сверкающему яркими огнями, заманивающему пассажиров, многочисленных встречающих и немногих провожающих. У входа замечаю одинокую фигуру Елены с сигаретой во рту. «Боже мой, как она может курить в такую рань», – подумал я.

– Доброе утро.

– Здравствуйте. Скажите, как вы можете курить в такую рань? Меня бы точно стошнило.

– Давняя студенческая привычка начинать день с сигареты. Утром практически на пустой желудок никотин с удвоенной силой бьёт в голову. Обалденное, ни с чем не сравнимое пьянящее ощущение кайфа.

– Регистрацию объявили?

– Ещё нет. Очевидно, нас ждут.

– Тогда вперёд, не станем же мы задерживать других пассажиров и испытывать их терпение.

Молча направляемся к стойке номер один, рутинно проходим регистрацию, буднично преодолеваем таможенный досмотр и усаживаемся в зале ожидания. Несмотря на раннее утро, все киоски и магазинчики трудятся в поте лица, предлагая пассажирам напитки, сувениры, газеты по весьма завышенным ценам, как будто территория провинциального аэропорта – столичный Арбат.

Меня всегда возмущало подобное несправедливое положение дел. С какой стати бутылка воды за 15 целковых стоит 120? Какой-то узаконенный грабёж, но при этом все молча платят, сопят себе в тряпочку и отдают кровные. С какого перепугу? А кто не желает раскошелиться, мучается от невыносимой жажды или пьёт водичку с хлоркой из крана в туалете. Короче, полный беспредел.

Наконец, объявили посадку на московский рейс, и невыспавшиеся пассажиры гуськом потянулись к выходу номер три. Поднимаясь по трапу, замечаю на фюзеляже «Боинга» бортовой номер 021156, точно такой же, как в моём расска-

зе. Наваждение какое-то?! Что происходит?

Елена заметила тревогу и с улыбкой спросила:

– Что, господин писатель, страшно?

– Конечно! С детства боюсь летать. Каждый раз испытываю ужас.

– Не надо бояться, ведь снаряд в одну воронку дважды не падает.

– Вы так считаете? А я в этом совершенно не уверен.

– Это не я так считаю, а народная мудрость так гласит. Слава Богу, сейчас не зима, обледенение самолёту не грозит, хотя и летом они тоже падают.

– По всей вероятности, вы смелая, ничего не боитесь.

– Смею заверить, я трусиха, каких ещё не видели.

– Так и быть, вместе трястись от страха станем, если не возражаете?

– Не возражаю.

Пока пилоты включали многочисленные кнопки и тумблеры, проверяя системы, мы сидели рядом и болтали о разных пустяках, отвлекая друг друга от ужасных фантазий.

Лайнер плавно вырулил на взлётную полосу и загудел шумными двигателями, готовый, как бегун перед стартом, молниеносно сорваться с места. Самолёт взлетел, и я трижды перекрестился, виновато взглянув на попутчицу, не обращавшую на меня никакого внимания, бормотавшую вполголоса какую-то одной ей известную молитву.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.